

СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ГОТОВНОСТИ К РИСКУ В КОНТЕКСТЕ АДАПТАЦИИ К БИФУРКАЦИОННОЙ СРЕДЕ

Е. В. Шлыкова¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

Для цитирования: Шлыкова Е. В. Субъективные факторы готовности к риску в контексте адаптации к бифуркационной среде // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 4. С. 81–95. DOI 10.19181/snsp.2022.10.4.9284. EDN STXKKZ

Аннотация. Исходным в статье является утверждение о том, что в последние два года изменения жизненной среды россиян приобретают бифуркационный характер. Это обусловлено новыми и быстро наступившими социально значимыми событиями. На основе положения концепции Л. В. Корель о существенных отличиях социальной адаптации в бифуркационных и эволюционных средах посредством обобщения результатов репрезентативных эмпирических исследований, получена верификация ведущей роли латентных адаптационных ресурсов и субъективных установок в ходе адаптации к условиям бифуркации и обоснована роль готовности к риску как социальной установки и адаптационного ресурса.

На базе анализа данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)» эмпирической проверке подвергается гипотеза о различиях высокой и низкой субъективной оценки готовности к риску взрослого населения России по показателям отношения к риску, опыту взаимодействия с рисками, вербальному выбору механизма и стратегии адаптации к ним, набору адаптационных ресурсов различных типов.

В населении России выявлены две однородные по социально-демографическим характеристикам, но диаметрально-противоположные по субъективной установке «готовность к риску» группы: с высокой и низкой готовностью к риску. Зафиксированы различия этих групп в опыте взаимодействия с рисками, склонности к выбору в бифуркационной среде того или иного механизма и стратегии адаптации, «ресурсообеспеченности» их адаптивных потенциалов. Обоснована уязвимость группы с низкой готовностью к риску к истощению адаптационных ресурсов и снижению адаптивных возможностей в условиях бифуркации и разработаны предложения по развитию её адаптивного потенциала.

Ключевые слова: готовность к риску, бифуркационная среда, адаптация, ресурсы

Введение

В фундаментальных исследованиях современного российского общества широко распространено представление о трансформационных процессах, связанных с высокой динамикой изменений, сопровождающихся повышенной неопределённостью и рискогенностью среды. О росте неопределённости и рискогенности свидетельствуют данные замеров уровня тревожности в обществе, которую в рамках социологии риска традиционно рассматривают как реакцию на наличие источника негативного воздействия (опасности и риска). Сравнительный анализ данных «Национального индекса тревожностей» — ежеквартального рейтинга тревог россиян, рассчитываемого на основе анализа материалов СМИ и социальных сетей, — указывает на незначительные изменения «тревожного поля» в течение 2021 г., где первые места традиционно занимали риски пандемии и связанные с ней события (рост заболеваемости, обязательная вакцинация, введение QR-кодов, появление новых штаммов коронавируса и т. д.)¹. Сравнение данных «Национального индекса тревожностей» за примерно одинаковые периоды 2021² и 2022 гг.³ демонстрирует смену причин тревожности россиян, а значит — актуализацию в общественном сознании новых рисков (рост цен и дефицит товаров и лекарств, реакция общества на СВО и западные санкции, ход спецоперации, уход иностранных компаний, усиление ограничений в Интернете, эскалация конфликта с Западом, диверсии и русофобия).

Коллеги из ФОМ на протяжении года (октябрь 2021 г. — октябрь 2022 г.) фиксируют достаточно высокий уровень тревожности россиян: по субъективным оценкам респондентов тревожное настроение ближайшего их окружения с незначительными колебаниями варьировало в диапазоне от 40 до 55% в течение года. Однако, в период с середины сентября до середины октября 2022 г. уровень тревожности резко возрос до 70%⁴.

Наблюдаемая смена актуальных рисков, сопровождаемая повышенной тревожностью, позволяет утверждать, что в последние два года изменения жизненной среды россиян, обусловленные пандемией коронавируса, а сейчас — санкционной нагрузкой и геополитической неопределённостью, приобретают характер *бифуркации*, а именно: большое число социально значимых событий, новых и быстро наступивших в короткий период времени, в совокупности создают многовариантную, слабо прогнозируемую, а, следовательно, рискогенную среду.

¹ Национальный индекс тревожностей // КРОС : [сайт]. URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/> (дата обращения: 14.10.2022).

² Национальный индекс тревожностей. II квартал 2021 года // КРОС : [сайт]. URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/2165/> (дата обращения: 14.10.2022).

³ Национальный индекс тревожностей. 24 февраля — 31 мая 2022 года // КРОС : [сайт]. URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/3479/> (дата обращения: 14.10.2022).

⁴ Настроение окружающих // ФОМ : [сайт]. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d39no2022.pdf> (дата обращения: 14.10.2022).

Глубокие отличия бифуркационных сред от эволюционных обуславливают и существенные различия в адаптационных процессах:

- для адаптации к бифуркационной среде характерна высокая адаптивная нагрузка, которая может привести к быстрому истощению адаптационных ресурсов;
- в условиях бифуркаций важное значение приобретают личностные особенности, характеристики и средства субъектов, а в ряде случаев адаптанты вынуждены только ими и ограничиваться;
- в бифуркационной среде преобладают глубокие механизмы адаптации, задействующие латентные адаптационные ресурсы и внутренние субъективные установки [2, с. 336–340].

Эмпирическая верификация обозначенных выше положений обнаруживается в опубликованных результатах репрезентативных исследований последних лет. Динамика ресурсообеспеченности населения России характеризуется снижением экономического, квалификационного, властного и социального ресурсов вследствие «череды кризисов» [7], что свидетельствует о быстром истощении ресурсов в период адаптации к кризисным условиям. Наиболее значимыми факторами, определяющими оценки россиянами их положения и влияющими на возможность выработки и реализации эффективных адаптационных стратегий в период кризиса, становятся личностные качества [6]. Результаты анализа оценок субъективного благополучия россиян на разных стадиях делового цикла на базе методологии, предложенной «Организацией экономического сотрудничества и развития» (ОЭСР), в частности, показывают, что «даже наиболее полная модель регрессии, охватывающая все 11 измерений социальной жизни, объясняет только одну треть вариации в удовлетворённости жизнью. Предполагается, что еще одна треть в её общей вариации объясняется устойчивыми личностными различиями индивидов» [1, с. 31] и особенно это проявляется на кризисной стадии цикла.

Актуальной научной и практической задачей становится изучение латентных адаптационных ресурсов и субъективных установок, а также выявление факторов, которые их детерминируют с учётом особенностей адаптации в бифуркационных средах.

Результаты наших многолетних исследований процессов адаптации к рискогенной среде, в том числе и к ситуациям острых рисков, позволяют утверждать, что одним из необходимых условий, отвечающих «всем требованиям» адаптации к бифуркационной среде, является готовность к риску.

В целом, в условиях адаптации к риску и неопределённости, мы рассматриваем *готовность к риску* как «рациональный выбор способа взаимодействия с изменяющейся средой, основанный на оценке адаптантом ситуации, собственных возможностей и последствий принятого решения» [8, с. 62]. Учитывая методологическую сложность эмпирического измерения готовности к риску, нами разработаны две объяснительные модели этого социального феномена, обобщение результатов которых приведено ниже.

В предметных рамках социологии риска нам удалось эмпирически выявить и обосновать внутреннюю сущность готовности к риску как *социальной установки*, на которой базируется решение о принятии или непринятии жизни в условиях риска (возможного ущерба) [4]. Применительно к ситуации острого риска, вызывающего бифуркацию среды, мы получили эмпирическое доказательство того, что особенности социальной установки, обозначенной как готовность к риску, основываются на субъективной оценке приемлемости риска и детерминированы самооценками безопасности среды; уязвимости (незащищенности) по отношению к возможным ущербам; отношением к источнику неблагоприятного воздействия; оценкой возможностей лиц, принимающих решения, и наличия у них механизмов обеспечения приемлемого уровня риска [10].

В контексте изучения социальной адаптации мы обосновали готовность к риску как *специфический адаптационный ресурс*, детерминирующий скорость и успешность адаптации к условиям неопределённости и риска [8], а также коррелирующий с выбором стратегии адаптации [3]. Вместе с тем, готовность к риску в условиях «обычной» адаптации выступает одним из латентных нейтральных адаптационных ресурсов, актуализация которого в условиях неопределённости и риска даёт дополнительные возможности для адаптации даже при наличии низкого порога адаптивного потенциала субъекта [9].

Целевой анализ научной литературы показывает, что в предметных рамках *психологии* выявлено, обосновано и описано множество внутриличностных параметров, детерминирующих готовность к риску. Однако недостаточно изученными остаются *социальные факторы*, определяющие уровень готовности к риску.

Цель статьи – расширить научное представление об этих факторах, учитывая внутреннюю природу готовности к риску как социальной установки, определяющей специфику взаимодействия с риском, и адаптационного ресурса. Изучение взаимосвязи готовности к риску с показателями отношения к риску позволит охарактеризовать «профиль» готовности к риску, с которым россияне вступили в процесс адаптации к бифуркационной среде: в основе анализа – субъективные факторы, детерминирующие высокий и низкий уровни готовности к риску. Анализ взаимосвязи готовности к риску с наличием у респондентов тех или иных адаптационных ресурсов позволит охарактеризовать «ресурсообеспеченность» высокой и низкой готовности к риску. Решение этих исследовательских задач в совокупности откроет новые возможности для поддержания и наращивания этого важнейшего для взаимодействия с бифуркационной средой адаптационного ресурса.

Эмпирическая база и методические приёмы анализа

Эмпирическую базу анализа составляют данные 27-й волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимого НИУ «Высшая школа экономики» и ООО

«Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН¹. Выборка каждой волны репрезентирует население России². Для анализа в статье отобраны респонденты в возрасте от 18 лет и старше, репрезентирующие взрослое население России.

Работая в предметной области социологии риска, автор придерживается субъективного подхода к объяснению риска как явления общественного сознания. Любая ситуация выбора и принятия решения может быть «рискованной» для одного субъекта, а для другого – нет. В связи с этим анализ готовности к риску, на наш взгляд, должен опираться на субъективную оценку. Мы располагаем данными, позволяющими измерить субъективную оценку через фиксацию эмоционально-оценочного отношения респондентов к готовности к риску, выраженному по шкале достаточности, которая отражает наличие потребности в готовности к риску и степень её удовлетворения. В основе – ответы на вопрос: «Скажите, пожалуйста, в какой степени Вам не хватает готовности к риску в данный момент Вашей жизни?». Для дифференциации ответов респондентов используется пятибалльная шкала. Выбор позиции «хватает» мы интерпретируем как высокую субъективную оценку готовности к риску, «скорее хватает» – средневысокую, «скорее не хватает» – средненизкую, «не хватает» – низкую, «мне это не нужно» – как нейтральную субъективную оценку. Высокие и средневысокие оценки указывают на наличие и удовлетворение в той или иной степени потребности в готовности к риску, низкие и средненизкие – на наличие и неудовлетворение этой потребности. Нейтральные оценки свидетельствуют об отсутствии потребности в готовности к риску.

Доля высоких субъективных оценок готовности к риску в массиве составляет 6%, средневысоких – 32%, средненизких – 26%, низких – 13%, нейтральных – 23%³. Предварительный анализ данных продемонстрировал схожие результаты в группах респондентов с высокими и средневысокими оценками, а также с низкими и средненизкими по заданным показателям. В связи с этим представляется целесообразным и наглядным отразить в статье результаты сравнительного анализа *двух противоположных целевых групп: с высокой и низкой субъективными оценками готовности к риску*⁴, подчёркивая, что выводы могут распространяться и на группы со средневысокими и средненизкими оценками,

¹ Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 20.09.2022).

² Подробнее об особенностях выборки: <https://www.hse.ru/org/hse/rlms/sample> (дата обращения: 20.09.2022).

³ Доли затруднившихся ответить и отказавшихся отвечать в сумме не превышают ошибку выборки и исключены из анализа без потери репрезентативности.

⁴ Группа нейтральных оценок, в отличие от остальных, характеризуется отсутствием потребности в готовности к риску и требует отдельного изучения, поэтому исключена из дальнейшего анализа.

то есть справедливы для 38% взрослого населения России, характеризующегося высокими и средневысокими субъективными оценками готовности к риску ($n=3493$) и 36% – низкими и средненизкими ($n=3629$).

По основным социально-демографическим характеристикам (пол, возраст, образование, тип поселения, семейное положение, занятость, профессия) принятые к анализу целевые группы практически однородны, однако, в группе с высокой субъективной оценкой готовности к риску несколько выше доля мужчин и респондентов молодого возраста; в группе с низкой – выше доля женщин и респондентов старших возрастов. Наблюдаемые социально-демографические различия не являются статистически значимыми, поэтому сравнительный анализ целевых групп, характеризующихся противоположными значениями зависимой переменной «готовность к риску», по предложенной схеме обоснован.

Первый этап анализа посвящён выявлению внутреннего субъективного содержания высокой и низкой готовности к риску, а также обоснованию её взаимосвязи с опытом взаимодействия с рисками и вербальным выбором механизма и стратегии адаптации к ним.

На втором этапе определяется взаимосвязь высокой и низкой субъективной оценки с адаптационными ресурсами разных типов, составляющих адаптивный потенциал.

Результаты анализа

Субъективный «профиль» высокой и низкой готовности к риску

Сущность социальной установки «готовность к риску» анализируется через три индикатора, отражающих основные элементы приведённого выше её общего определения, а именно: субъективную оценку ситуации, собственных возможностей и последствий принятого решения.

В основе измерения субъективной оценки ситуации в нашем контексте лежит представление о дуальности риска: рискнуть и выиграть/рискнуть и проиграть. Субъективная оценка собственных возможностей базируется на самооценке характера риска (добровольный/навязанный), который определяет роль субъекта в рискованных ситуациях (производитель/потребитель). Последствия принятого решения рассматриваются в рамках концепции ответственности, разработанной А.В. Мозговой [5], и интерпретируются через самооценку принятия/избегания ответственности за последствия принятого в ситуациях риска решения. Результаты сравнительного анализа целевых групп представлены на рисунке 1.

Наблюдаемые значимые различия позволяют утверждать, что высокая и низкая субъективные оценки готовности к риску определяются диаметрально противоположным внутренним содержанием. Респонденты, характеризующиеся

еся высокой оценкой, идут на риск, ожидая благоприятного исхода, выгоды для себя, чаще выступают в роли производителей риска и принимают возможные негативные последствия своих решений для других как личную ответственность. Респонденты из группы с низкой субъективной оценкой готовности к риску, напротив, предпочитают не рисковать, опасаясь неблагоприятного исхода, чаще являются потребителями навязываемого риска и избегают ответственности за собственные решения, содержащие возможный риск для других.

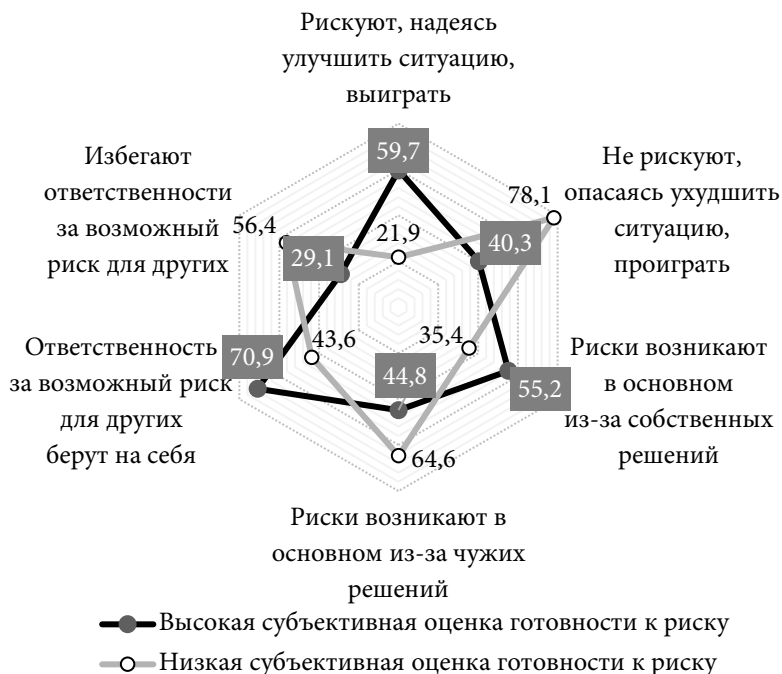

Рис. 1. Сущность социальной установки «готовность к риску» в целевых группах, % от количества ответивших в каждой целевой группе

Для изучения наличия опыта взаимодействия с рисками респондентам предлагалось ответить, сталкивались они лично с тем или иным риском в течение года или нет (перечень из 18 рисков). В ходе сравнительного анализа целевых групп по этому показателю не обнаружены различия в опыте взаимодействия с рисками физического насилия (ограбления, побои, уличное хулиганство, домашнее насилие, теракты) и рисками нарушения прав человека (дискриминация по полу, возрасту, политическим взглядам, религиозным убеждениям и национальному признаку, невозможность добиться справедливого судебного решения). Результаты анализа по позициям, дифференцирующим целевые группы, представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Субъективная оценка готовности к риску и опыт взаимодействия с рисками:
доля положительных ответов в каждой целевой группе и в массиве в целом**

Название риска	Субъективная оценка готовности к риску		В массиве в целом
	Высокая	Низкая	
Нехватка средств на выживание	31,9	50,6	35,2
Некачественные, вредные продукты питания в магазинах	56,8	72,3	58,5
Нехватка денег на качественные продукты	41,2	65,1	49,2
Недоступность многих видов медицинского обслуживания	38,5	61,3	43,4
Врачебные ошибки	23,1	34,5	19,2
Отсутствие лекарств в аптеках	17,9	28,2	15,3
Загрязнение воздуха, питьевой воды	46,3	59,9	45,6
Свалки, вредные производства	40,9	51,0	41,2
Недостоверная информация в СМИ	22,6	29,2	23,7
Навязывание через СМИ тех или иных убеждений	24,7	31,3	26,5

Респонденты с высокой субъективной оценкой готовности к риску значительно реже сталкивались с перечисленными рисками в течение года по сравнению с другой группой. Однако, доли имеющих опыт взаимодействия с рисками в группе высокой оценки и в целом по массиву существенным образом не различаются. Напротив, статистически значимые различия по рассматриваемому показателю наблюдаются в группе с низкой субъективной оценкой готовности к риску по сравнению не только с другой целевой группой, но и массивом в целом. Полученные результаты позволяют утверждать, что низкая готовность к риску коррелирует с наличием опыта взаимодействия с рисками, а высокая – нет.

В бифуркационной среде традиционный для эволюционных сред механизм адаптации слабо реализуем, поскольку целью адаптации становится не развитие адаптанта в новой среде, а удержание положения «статус-кво», в основе которого, с точки зрения социологии риска, лежит определённый статус безопасности. Соответственно, в бифуркационной среде преобладают иные механизмы, «обслуживающие» стратегии адаптации, а именно: адаптация-реверсия, адаптация-защита, адаптация-уход.

Адаптация-реверсия предполагает терпеливое перенесение нежелательных или неприятных социальных испытаний, предполагает занижение требований и к себе, и к среде, что в итоге может привести к деструктивным процессам и деградации внутренних структур адаптанта. Адаптация-защита отражает скрытое или явное неподчинение изменениям среды и выражается в сопротивлении или противодействии им, в стремлении сохранить свою внутреннюю структуру. Адаптация-уход – это физическое перемещение в иную среду, из пространства нежелательных перемен [2, с. 270–273].

Действие механизма адаптации-реверсии обеспечивает пассивную стратегию адаптации, адаптации-ухода — активную. Адаптации-защиты могут реализовываться как в активной, так и пассивной стратегиях в зависимости от того, сам адаптант инициирует новый способ реагирования на вызовы среды или встраивается в социальные взаимодействия и следует за другими.

На этой методологии строится проективный вопрос анкеты, предполагающий вербальный выбор предпочтительного поведения в сконструированной ситуации появления рядом с местом проживания респондентов промышленного объекта с вредным для здоровья людей и природы производством. В таблице 2 отражены результаты сравнительного анализа целевых групп с разными субъективными оценками готовности к риску по вербальному выбору механизма адаптации к бифуркационной среде.

Таблица 2

Субъективная оценка готовности к риску и механизмы адаптации к бифуркационной среде,
% от количества ответивших в каждой целевой группе

Субъективная оценка готовности к риску	Механизмы адаптации				
	Адаптация-реверсия	Адаптация-защита			Адаптация-уход
	Пассивная стратегия	Активная стратегия		Пассивная стратегия	Активная стратегия
	Ничего не будут делать, смирятся	Организуют коллективные обращения	Будут обращаться самостоятельно	Присоединятся к организованным кем-то обращениям	Постараются переселиться в другое место
Высокая	21,0	8,2	8,6	43,8	18,4
		16,8			
Низкая	28,5	5,6	3,5	51,5	10,9
		9,1			

Респонденты из обеих целевых групп в основном склоняются к выбору механизма адаптации-защиты, однако, характеризующиеся высокой субъективной оценкой готовности к риску чаще выбирают активную стратегию, низкой — пассивную. С высокой субъективной оценкой готовности к риску больше связан выбор адаптации-ухода, с низкой — адаптации-реверсии.

Далее изучим, какой набор ресурсов, входящих в адаптивный потенциал, обеспечивает высокий или низкий уровень готовности к риску.

«Ресурсообеспеченность» высокой и низкой субъективной оценки готовности к риску

Исходя из особенностей адаптации к бифуркационной среде, понятие адаптивного потенциала мы рассматриваем в самом широком смысле, как совокупность свойств, качеств, характеристик, существующих у адаптанта, в том числе латентных, которые могут актуализироваться в ходе адаптации.

Наш исследовательский опыт изучения факторов, детерминирующих развитие адаптивного потенциала в условиях адаптации к трансформирующейся (кризисной, рискогенной) среде, и апробация различных моделей эмпирического измерения адаптивного потенциала позволяют нам отобрать наиболее существенные в рассматриваемом контексте ресурсы адаптации и свести их в девять типологических групп, составляющих «каркас» адаптивного потенциала. Представленный ниже перечень индикаторов отражает наши цели и может изменяться, дополняться в ходе других исследований. Важно отметить, что каждый тип ресурсов, в зависимости от задачи исследования, может включать как объективные, так и субъективные индикаторы. В статье анализ строится на субъективных оценках достаточности/нехватки ресурсов, входящих в каждый тип.

Когнитивные ресурсы связаны с получением новых знаний, образовательным статусом, саморазвитием и кругозором. *Материальные* отражают материальную обеспеченность респондентов. *Физические* ресурсы интерпретируются через состояние здоровья. *Коммуникационные* относятся к области социальных связей, включённости в социальные сети. *Профессиональные* ресурсы отражают квалификацию. *Информационные* ресурсы связаны с качеством информации о происходящих событиях. *Сохранительные* характеризуют субъективный статус безопасности. *Средовые* ресурсы соотносятся с качественными характеристиками различных жизненных сред. *Внутриличностные* ресурсы включают свойства личности, мировоззренческие и поведенческие установки¹.

Для сравнительного анализа целевых групп с высокой и низкой субъективной оценкой готовности к риску построим индекс достаточности ресурсов (I др), входящих в адаптивный потенциал.

Индекс рассчитывается по формуле: $I_{др} = (a + 0,5b - 0,5c - d) : (a + b + c + d)$, где *a* – количество респондентов, ответивших «хватает» того или иного ресурса; *b* – количество ответивших «скорее хватает»; *c* – количество ответивших «скорее не хватает» и *d* – «не хватает». Значения индекса изменяются в диапазоне от +1 до –1. Положительные значения указывают на достаточность ресурса, и чем ближе величина этих значений к +1, тем выше уровень достаточности. Отрицательные значения индекса указывают на нехватку ресурса, чем ближе величина этих значений к –1, тем бóльшая нехватка ресурса фиксируется респондентами. Результаты расчётов представлены в таблице 3.

Сравнительный анализ значений индекса показывает, что респонденты с низкой субъективной оценкой готовности к риску испытывают нехватку всех представленных типов ресурсов, входящих в адаптивный потенциал, в значительно бóльшей степени по сравнению с другой целевой группой. В логике нашего исследования показательными являются те ресурсы, которые группа с высокой субъективной оценкой считает достаточными, а другая группа испытывает их нехватку (ячейки в таблице 3 выделены полужирным шрифтом).

¹ Разработанная типология подробно представлена и апробирована в [9].

Таблица 3

**Индекс достаточности ресурсов в группах
с высокой и низкой субъективными оценками готовности к риску**

Типы ресурсов	Состав ресурсов	Значения индекса в целевых группах	
		Высокая оценка готовности к риску	Низкая оценка готовности к риску
Когнитивный	Образование	0,51	0,08
	Компьютерная грамотность	0,38	-0,26
	Знание иностранного языка	-0,02	-0,66
	Возможность получения новых знаний, необходимых для современной жизни	0,46	-0,39
Материальный	Материальная обеспеченность	-0,05	-0,69
Физический	Здоровье	0,46	-0,22
Коммуникационный	Полезные связи	0,29	-0,46
	Помощь родственникам, друзей	0,78	0,20
Профессиональный	Профессиональная квалификация	0,62	-0,04
Информационный	Достоверность информации о происходящих событиях	0,48	-0,55
Сохранительный	Ощущение безопасности	0,32	-0,49
	Ощущение защищенности государством	-0,09	-0,72
Средовой	Благоприятное состояние окружающей среды	-0,02	-0,59
	Стабильность в государстве и обществе	-0,03	-0,68
Внутриличностный	Уверенность в своих силах	0,68	-0,26
	Решительность в достижении своих целей	0,66	-0,31
	Умение планировать собственную жизнь	0,71	-0,07
	Умение приспосабливаться к новым условиям, неожиданным обстоятельствам	0,68	-0,45

В когнитивном типе ресурсов высока достаточность образования для обеих целевых групп, однако ресурсы, обуславливающие саморазвитие и кругозор, являются преимуществом для респондентов с высокой субъективной оценкой готовности к риску и оказываются «в упадке» в группе с низкой. Достаточность здоровья как естественного ресурса связана с высокой готовностью к риску, нехватка – с низкой. Наличие полезных социальных связей и контактов детерминирует высокую субъективную оценку готовности к риску, их нехватка – низ-

кую. Профессиональная квалификация как ресурс оказывается достаточной для респондентов из группы высокой готовности к риску, для другой группы – нет. Высокая субъективная оценка готовности к риску опирается на достоверную информацию о происходящих событиях, в то время как респонденты с низкой оценкой испытывают острую нехватку такой информации. Полагаем, что различия значений индекса достаточности ресурсов сохранительного типа в целевых группах связаны с выявленными ранее субъективными особенностями установки «готовность к риску». Как отмечалось выше, респонденты с высокой субъективной оценкой принимают ответственность за риск на себя, с низкой – переносят эту ответственность на других. Поэтому в первой группе ощущение безопасности возможно без ощущения защищённости государством, а во второй – нехватка одного усиливается нехваткой другого. Наличие умения планировать жизнь, волевых качеств личности и способности к адаптации связаны с высокой субъективной оценкой готовности к риску, их нехватка – с низкой.

Заключение

В статье предпринята попытка эмпирического обоснования субъективного внутреннего содержания социальной установки «готовность к риску» и её «ресурсообеспеченности» для успешной адаптации к бифуркационной среде.

По результатам осуществлённого анализа можно сделать вывод о том, что взрослое население России включает, как минимум две группы, однородные по социально-демографическим характеристикам, но различающиеся по субъективным оценкам готовности к риску.

Респонденты, характеризующиеся *высокой готовностью к риску*, в ситуации неопределённости видят для себя новые возможности, не боятся принимать рискованные решения и являются социально ответственными. Респонденты с *низкой готовностью к риску* считают себя жертвами чужих решений, в условиях неопределённости опасаются ухудшить ситуацию, не рискуют и избегают ответственности за возможные последствия для других.

Зафиксированные в рассматриваемых группах различия в наличии опыта взаимодействия с рисками указывают на взаимосвязь высокого давления рискогенной среды и низкой готовности к риску, что в условиях бифуркации может вызвать рост уязвимости группы населения с низкой субъективной оценкой к истощению адаптационных ресурсов и снижению адаптивных возможностей. Выявленная склонность респондентов с низкой готовностью к риску к выбору пассивных стратегий адаптации, в том числе на основе механизма адаптации-реверсии, в бифуркационной среде может вывести их в зону не-адаптаций или даже деструктивных адаптаций.

Для снижения адаптивной нагрузки в условиях бифуркации для группы населения с низкой готовностью к риску нам видится необходимость развития их адаптивного потенциала за счет (1) открытия возможностей для получения новых

современных знаний, обеспечивающих саморазвитие, повышающих кругозор и профессиональную квалификацию; (2) самосохранительного поведения и профилактических мер по поддержанию здоровья; (3) расширения представлений об источниках достоверной информации о происходящих событиях; (4) включения в разветвлённые социальные взаимодействия и сети; (5) оказания адресной социальной и государственной поддержки и помощи.

Разработанный и апробированный в статье подход к использованию субъективных показателей показал свою продуктивность в изучении адаптационных процессов применительно к бифуркационной среде и позволил наметить пути развития исследований глубинных механизмов адаптации, внутренних личностных особенностей и латентных адаптационных ресурсов. Представляется необходимым включение в инструментарии социологических исследований расширенного перечня личностных особенностей и повышение «чувствительности» шкал по измерению субъективных оценок. Эффективным может стать дополнительное использование качественных методов для уточнения и углубления статистической информации, а также междисциплинарных исследований, сочетающих социальные и психологические показатели.

Список литературы

1. Воронин Г. Л., Захаров В. Я., Козырева П. М. Кому на Руси жить хорошо? Мониторинг 1994–2013 гг. // Социологический журнал. 2016. Том. 22. № 1. С. 26–53. DOI 10.19181/socjour.2016.22.1.3918. EDN VQWITX.
2. Корель Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики / Л. В. Корель. Новосибирск : Наука, 2005. 424 с.
3. Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Неравенство в распределении рисков: ресурсы и стратегии адаптации // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. — Москва: Новый хронограф, 2016. — Вып. 14. — С. 358–378. EDN WBLZOV.
4. Мозговая А. В. Социология риска: возможности синтеза теории и эмпирического знания // Риск в социальном пространстве / Под ред. А. В. Мозговой. М. : Изд-во Института социологии РАН, 2001. С. 9–37. EDN TIVONZ.
5. Мозговая А. В. Концепция ответственности в исследовании и управлении риском // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 1 (22). С. 166–174. EDN YNVZVP.
6. Тихонова Н. Е. «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. 2019. Том 25, № 1. С. 27–47. DOI 10.19181/socjour.2018.25.1.6278. EDN YETRTV.
7. Тихонова Н. Е. Ресурсообеспеченность массовых слоев населения страны: состояние и динамика в 2008–2020 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 121–138. DOI 10.14515/monitoring.2021.4.1831. EDN KCEIIN.
8. Шлыкова Е. В. Готовность к риску как адаптационный ресурс: субъективные оценки взрослого населения России // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Том 9, № 4. С. 61–77. DOI 10.19181/snsp.2021.9.4.8606. EDN MFDQAD.

9. Шлыкова Е. В. Уровень адаптивности и порог адаптивного потенциала взрослого населения России // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 19 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М. : Новый Хронограф, 2021. С. 360–383. DOI 10.19181/ezheg.2021.15. EDN FFXTYV.

10. Шлыкова Е. В. Отношение к риску как дифференцирующий фактор выбора способа вынужденной адаптации // Спутник ежегодника «Россия реформирующаяся». Вып. 2 – 2015. М. : ИС РАН. 2016. С. 1. 1 электрон. опт. диск. URL: https://www.isras.ru/files/el/sputnik_2015/hm/menu.htm (дата обращения: 10.09.2022). EDN WBYDZJ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шлыкова Елена Викторовна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: shly-ev@yandex.ru

AuthorID РИНЦ 76563

Дата поступления в редакцию: 01.08.2022. Принята к печати: 18.11.2022.

DOI 10.19181/snsp.2022.10.4.9283

Subjective Factors of Risk Readiness in the Context of Adaptation to the Bifurcation Environment

Elena V. Shlykova¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, b.1, Bol'shaja Andron'evskaja str., Moscow, Russia, 109544

For citation: Shlykova E. V. (2022). Subjective factors of risk readiness in the context of adaptation to the bifurcation environment // *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 10, № 4. P. 81–95. DOI 10.19181/snsp.2022.10.4.9283

Abstract. The initial point in the article is the statement that in the last two years, changes in the environment of Russians, caused by new and rapidly occurring socially significant events, acquire the character of bifurcation. Based on the position of the concept of L. V. Korel on the essential differences of social adaptation in bifurcation and evolutionary environments by generalizing the results of representative empirical studies, the verification of the leading role of latent adaptive resources and subjective attitudes during adaptation to bifurcation conditions was obtained and the role of risk readiness as a social attitude and adaptive resource was substantiated.

Based on the analysis of data from the RLMS-HSE, the hypothesis about the differences between high and low subjective assessment of risk readiness in terms of attitude to risk; experience of interaction with risks; verbal choice of the mechanism and strategy of adaptation to them; adaptive resources.

Two groups have been identified in the Russian population that are homogeneous in terms of socio-demographic characteristics, but diametrically opposed in terms of the attitude of “readiness for risk”: with high- and low-risk readiness. The differences between these groups in the experience of interacting with risks, the propensity to choose adaptation mechanism and strategy in the bifurcation environment, and in their adaptive potentials are recorded. The vulnerability of a group with low-risk readiness to depletion of adaptive resources and reduction of adaptive capabilities in bifurcation conditions is substantiated and proposals for the development of its adaptive potential are developed.

Keywords: risk readiness, bifurcation environment, adaptation, resources

REFERENCES

1. Voronin G. L., Zakharov V. Ya., Kozyreva P. M. (2016). Komu na Rusi zhit' khorosho? Monitoring 1994–2013 gg. [Who lives well in Russia? 1994 – 2013 Monitoring Survey] // *Sociologicheskij zhurnal*. Vol. 22. No. 1. P. 26–53. DOI 10.19181/socjour.2016.22.1.3918. (In Russ.).
2. Korel' L. V. (2005). *Sociologija adaptacij: Voprosy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of adaptation: Questions of theory, methodology and methodology] / L. V. Korel'. Novosibirsk: Nauka publ. 424 p. (In Russ.).
3. Mozgovaya A. V., Shlykova E. V. (2016). Neravenstvo v raspredelenii riskov: resursy i strategii adaptacii [Disparity in the social distribution of risks: resources and adaptation strategies]. *Rossija reformiruyushhajasja: Ezhegodnik [sbornik nauchnykh statej]* / otv. red. M. K. Gorshkov; Institut sociologii RAN. Moskva: Novyj khronograf publ. Vyp. 14. P. 358–378. (In Russ.).
4. Mozgovaya A. V. (2001). Sociologija riska: vozmozhnosti sinteza teorii i empiricheskogo znanija [Sociology of risk: possibilities of synthesis of theory and empirical knowledge]. *Risk v social'nom prostanstve*. Ed. by A. V. Mozgovaya. M.: Izd-vo Instituta sociologii RAN publ. P. 9–37. (In Russ.).
5. Mozgovaya A. V. (2017). Konceptcija otvetstvennosti v issledovanii i upravlenii riskom [The concept of responsibility in the field of risk research and risk management] // *Izvestija Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Ekonomika. Sociologija. Menedzhment*. Vol. 7. No. 1 (22). P. 166–174. (In Russ.).
6. Tikhonova N. E. (2019). «Negativnaya stabilizaciya» i faktory dinamiki blagosostoyaniya naselenija v postkrisisnoj Rossii [«Negative stabilization» and factors of population welfare dynamics in post-crisis Russia] // *Sociologicheskij zhurnal*. Vol. 25. No. 1. P. 27–47. DOI 10.19181/socjour.2018.25.1.6278. (In Russ.).
7. Tikhonova N. E. (2021). Resursoobespechennost' massovykh sloev naselenija strany: sostoyanie i dinamika v 2008–2020 gg. [Resourcefulness of the mass strata of population: state and dynamics in 2008–2020] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. No. 4. P. 121–138. DOI 10.14515/monitoring.2021.4.1831. (In Russ.).
8. Shlykova E. V. (2021). Gotovnost' k risku kak adaptacionnyj resurs: sub"ektivnye ocenki vzroslogo naselenija Rossii [Risk readiness as an adaptive resource: subjective assessments of the adult population of Russia] // *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 9. No. 4. P. 61–77. DOI 10.19181/snsp.2021.9.4.8606. (In Russ.).
9. Shlykova E. V. (2021). Uroven' adaptivnosti i porog adaptivnogo potentsiala vzroslogo naselenija Rossii [The level of adaptability and limits of adaptive potential of the adult population of Russia in the conditions of transformational changes] // *Rossija reformiruyushhajasja: ezhegodnik: vyp. 19* / Otv. red. M. K. Gorshkov; FNISC RAN. Moskva: Novyj khronograf publ. P. 360–383. DOI 10.19181/ezheg.2021.15. (In Russ.).
10. Shlykova E. V. (2015). Otnoshenie k risku kak differenciruyushhij faktor vybora sposoba vynuzhdennoj adaptacii [Attitude to risk as a differentiating factor in choosing the way of forced adaptation] // *Sputnik ezhegodnika «Rossija reformiruyushhajasja» Vypusk 2. [Online]: sb. nauch. st. / IS RAN*. URL: https://www.isras.ru/files/el/sputnik_2015/htm/menu.htm (accessed: 10.09.2022). (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shlykova Elena Viktorovna, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: shly-ev@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2875-271X

ResearcherID: I-5128-2016

Scopus AuthorID: 56153620300

The article was submitted on August 01, 2022. Accepted on November 18, 2022.